

graffiti

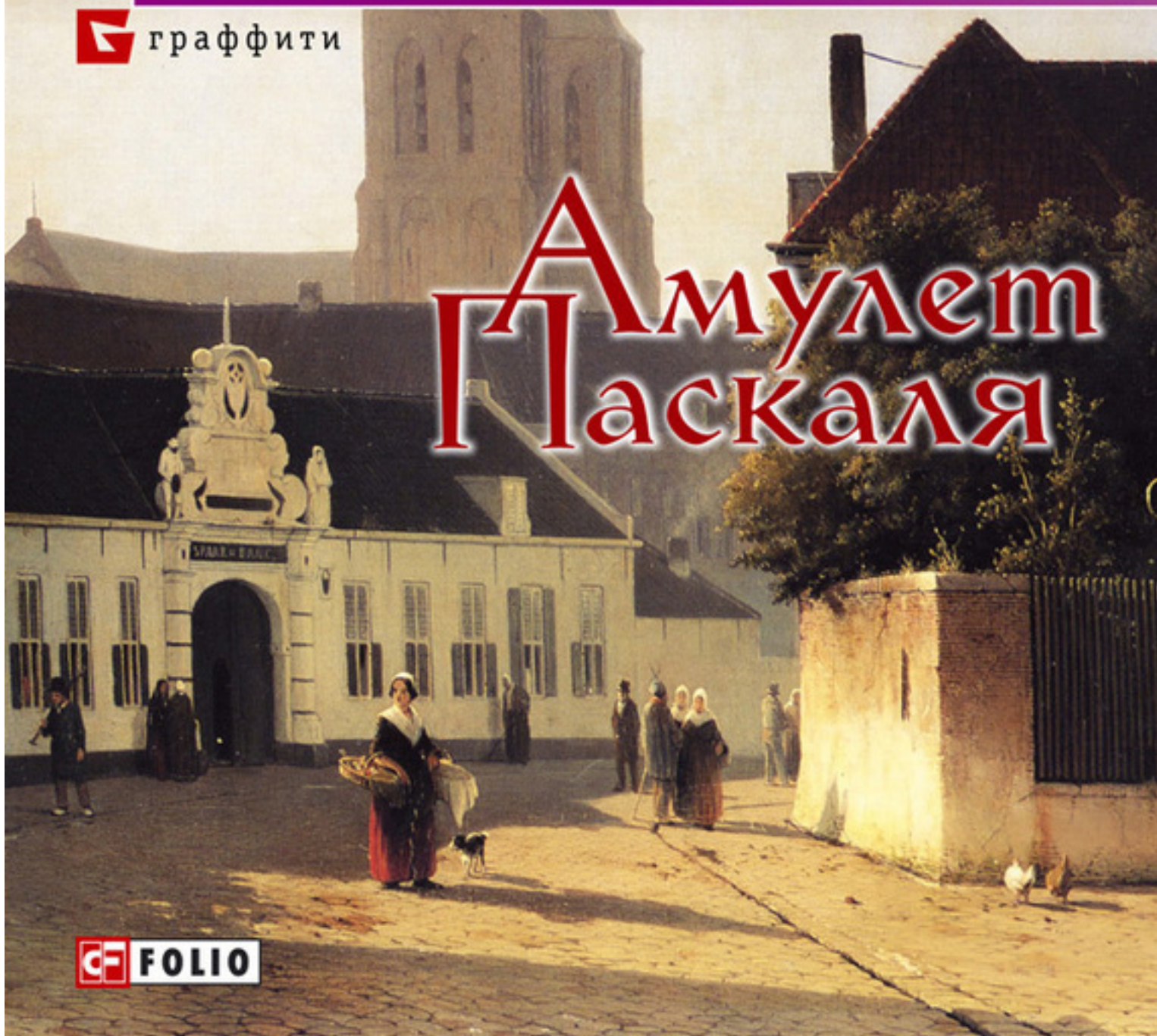
Р Ирэн Роздобудько

граффити

Амулет Паскаля

CF FOLIO

Ирэн Роздобудько
Амулет Паскаля

«Фолио»

2012

Роздобудько И. В.

Амулет Паскаля / И. В. Роздобудько — «Фолио», 2012

«Я не знаю, кто он такой – этот мсье Паскаль. Я пыталась это понять в течение всего времени, пока писала... Для себя я назвала этот роман «философской мистификацией», хотя не уверена, что это именно так. Наверняка знаю одно: этот текст был подземным родником, который сам прокладывал себе путь в темноте. Наверняка знаю другое: он сам найдет для себя много других путей. Наверняка знаю третье: если в жизни произойдет что-нибудь необычное, на вопрос: «Почему?» я буду отвечать: «Так хочет мсье Паскаль!».

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	12
4	15
5	19
6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирен Роздобудько

Амулет Паскаля

Часть первая

Кирпич, лежащий на краю крыши

1

Когда люди остаются сами с собой наедине, им свойственно делать какие-то довольно интимные вещи. Скажем, чесать спину, запустив руку под свитер. И это еще не такая уж крамола по сравнению со многими другими! Какими – можете себе сами представить. Тем более что нет в мире человека, который бы порой не наблюдал за собой со стороны и не ужасался тому, ЧТО он делает, когда его никто не видит. И ничего такого в этом нет. Но иногда меня охватывает необыкновенный ужас, когда представляю себе такую ситуацию: я с наслаждением чешу спину, полностью отдавшись приятным ощущениям, и вдруг передо мной распаивается занавес, который до этого надежно ограждал меня от другого измерения, и у меня появляется куча зрителей.

Все они – в вечерних нарядах, с бокалами шампанского в руках... Они стоят вокруг дивана, на котором лежу я – в домашних шерстяных носках, запустив руку под свитер! Я замираю. Они – тоже. Немая сцена...

Нам не дано знать, кто находится рядом – на расстоянии вытянутой руки или еще ближе: на расстоянии вдоха, кто дышит нам в затылок или в какое невидимое лицо мы посылаем струйку выпущенного из губ дыма...

Пространство вокруг нас плотно заполнено. Это даже не коммуналка, а скорее – тюрьма или тамбур поезда, в котором стоят призраки. Или наоборот: ты сам – призрак в кругу нарядных людей. Занавес раздвигается лишь на миг, и ты попадаешь в это измерение, как пришелец с другой планеты.

Кто хоть однажды не представлял себе такое? Тот, с кем никогда не случались подобные неприятности.

В детстве мне хотелось опровергнуть все законы физики и астрономии. На рисунках в учебнике для пятого класса четко было представлено устройство Вселенной: планеты кружат по своим орбитам вокруг Солнца. А я иногда думала, не крутимся ли все мы... в кабине огромного лифта? Лифт этот – в доме, дом – в городе, город – в стране, страна – на планете, которая несоизмеримо больше песчинки нашей Вселенной. Двери могут неожиданно открыться (ведь кто-то куда-то едет в этом лифте!), и тогда сквозняк сметет пригоршню планет, нарушит круги этой Солнечной системы, и вся наука полетит к чертям.

А еще я думала: может быть, вот эта система, со знанием дела описанная в учебнике, всего лишь клеточка на теле великана? Или – его глазное яблоко?

Мне казалось, что мир устроен, как матрешка: меньшая вкладывается в большую. И так – до бесконечности... Точно так же и измерение вкладывается в измерение.

Когда я начала рисовать, учителя говорили, что мои рисунки слишком «засорены», ведь даже небо я рисовала заселенным разными существами. Ну что тут поделаешь, я так чувствовала. Поэтому меня и выставили из художественной школы...

Ощувив эту вселенскую перенасыщенность, я стала думать, где бы найти место, чтобы побыть там одной. Довольно странное было желание. Монастырь? Но во мне было слишком много плотского. К тому же там нужно вставать в четыре утра...

Позже – почти что сейчас! – я поняла, что могу жить и наслаждаться только в... своей голове, то есть – в воображении. По крайней мере, туда не проберутся люди с бокалами шампанского в руках. Конечно, если я сама их туда не впущу!

Все мои действия и участие в активной общественной жизни заканчивались бегством. Возможно, поэтому я попадала во все западни, которые встречались на моем пути. Я давно обратила внимание на такой вот парадокс: те, кто пытаются сбежать, всегда оказываются пойманными именно на тот крючок, от которого пытались уберечься!

И все же, я думаю, этот дом не западня. Хотя очень на это похоже.

Он расположен на окраине маленького предместья, за ним – чудесный лес, а чуть в отдалении возвышаются горы с вечно белыми вершинами.

Когда я думаю о том, как очутилась тут – в этой стране, в этом доме, у этого леса, – именно тогда и приходит в голову то, о чем я уже говорила: лифт открылся, ход планет нарушился, самая маленькая матрешка упала, разбилась, из нее вылетел гусь, из гуся выпало яйцо, из яйца – иголка. Иголка упала в стог сена.

Все просто.

Иголка – это я...

На верхнем этаже, в моей комнате есть все необходимое: туалет и ванная, кухонный уголок со всеми техническими приамбасами, которые сами варят кофе, моют посуду, разогревают ужин (если, конечно, я не ем внизу), спальня с огромной кроватью и окном во всю стену, из которого видны лес и горы. Моя обитель – единственное современное, что есть в этом доме. Мсье Паскаль организовал все это для меня, как только увидел, что я приехала в рваных джинсах, с одним чемоданом в руках и с тремя колечками в ухе. Мне не пришлось ему ничего объяснять. Это меня вполне устраивает, иначе бы не выдержала и снова сбежала.

Иногда он говорит: «Откуда вы взяли на мою голову?» Это значит, что он уже не может без меня обходиться. Я быстро усвоила, что все его слова нужно воспринимать шиворот-навыворот. Думаю, что это ему во мне и нравится. И мне в нем тоже. Я не люблю прямолинейных людей. Или тех, кто считает себя таковыми. Порой их «Вы хорошо выглядите» означает, что у меня синяки под глазами, а «Вы такая порядочная женщина!» красноречиво свидетельствует о том, что я настоящая курва, которая спит и видит, как мсье Паскаль подписывает завещание в ее пользу. Еще устраивает то, что в мои обязанности не входит мыть посуду, что мне не нужно драить полы и пылесосить ковры.

Мсье Паскаль встает в три часа то ли утра, то ли ночи. Разве я могу просыпаться так рано? Он это понимает и не зовет меня, даже если у него выкручивает суставы. Хотя в такие ночи я и сама это чувствую (у меня невероятное чутье!) и спускаюсь, чтобы принести таз с горячей водой и достать из аптечки едкую зеленую мазь. «Убирайтесь прочь...» – стонет он, опуская руку на мою склоненную над его коленями голову. Я изо всех сил втираю мазь, и его ноги постепенно становятся теплыми, а мои ладони просто-таки горят огнем. Когда боль становится невыносимой, он глубже запускает пальцы в мои волосы и треплет их так, что утром мне трудно расчесываться.

Если бы наши гости, которые, собственно, бывают у нас не так уж и часто, отвели в сторону занавес своего измерения и на миг оказались здесь – о, что бы они подумали!

Однажды, представив себе это, я рассмеялась.

Утро наступает для меня примерно в девять. Я отправляюсь в ванную, наполняю джакузи, выливая в него полфлакона пены с лавандой, надеваю наушники и слушаю свою любимую мелодию Мишеля Леграна. Какую – не скажу.

Потом пью кофе с круассанами. Я ненавижу круассаны! Терпеть не могу всякие булочки и пирожные, которыми пропах весь центр города. Но круассаны – это ритуал. И я его исправно соблюдаю – а вдруг у меня за спиной окажется та добрая женщина, которая встает ни свет ни заря, печет их для такой шушеры, как я, и заставляет своего сына-школьника развозить в плетеной корзине по адресам, указанным в визитках.

Мне уютно. Я нажимаю на пульт плазменного экрана и вслед за диктором прилежно повторяю все слова. С каждым днем незнакомых становится все меньше. Впрочем, мсье Паскалю очень нравится мой акцент. Я пытаюсь сохранить его. Поэтому слушаю не только Леграна, а еще один диск, который привезла с собой:

*...Моя дівчинко печальна,
моя доле золота.
Я продовжую кричати...
Ніч безмежна і пуста...*

Когда мсье Паскаль попросил рассказать, о чем эта песня, я ответила, что она про курву, которая отравила старого и очень больного мужа-миллионера, завладела его кредитными карточками, а потом, не вынеся угрызений совести, пошла на высокую кручу, прыгнула с нее в глубокое море и утонула, а потом...

Мсье Паскаль покачал головой и сказал, старательно произнося незнакомые слова: «Моя дивиченко пьечьяльна... – это курва?»

В десять я одеваюсь. Вернее – раздеваюсь, то есть снимаю махровый пушистый халат. На мне только длинная шифоновая накидка. Такой вот квадрат с дырой посередине... Честно говоря, я бы могла ходить по этому дому вообще голая, но это не входит в планы мсье Паскаля. В отличие от меня, он человек довольно-таки целомудренный. Да и никаких планов относительно меня у него нет. И это мне тоже нравится, ведь когда я со своим чемоданом ввалилась в этот шикарный дом на окраине, подумала, что мне здесь придется пылесосить не только ковры...

Хорошенько завернув остатки круассанов в туалетную бумагу, я незаметно кладу их в мусорный пакет. Я закрываю дверь своей комнаты и окунаюсь в романтический полумрак, среди картин, развешанных на стенах вдоль отполированных перил длинной лестницы, каждый поворот которой отмечен присутствием львиной или лошадиной головы. На портретах – люди в средневековых одеждах, некоторые – в белых или черных париках. Кружевные воротники, золотые пряжки. Неровный свет, шорохи, выразительная тишина... Я раскланиваюсь с каждым портретом, и тело мое становится невесомым под их взглядами. Я – призрак. Мы играем в игру, кто из нас живет. Каждый мой шаг вниз – шаг в прошлое, каждая ступенька измеряется годами. Шаг – и сразу минус пятьдесят! Порой мне кажется, что, спустившись с последней, я окажусь в райских кущах и положу начало жизни на той песчинке, что бессмысленно вращается внутри лифта!

Преодолев ступени, оказываюсь в холле, через который тоже должна проплыть, как невидимая лодчонка среди айсбергов старины – резного комода начала XVI века, такого же бюро с канделябром в виде грифона, клюющего печень у несчастного Прометея, кресел и стульев, обитых выцветшими тканями ручной работы. Тут совсем темно – окон нет.

Я раздвигаю тяжелые двери и захожу в так называемую столовую. Она – огромная. Все ее пространство занимает длинный стол. Такой длинный, что я не могу поздороваться с мсье Паскалем, который как маленький паучок сидит в торце, – он меня все равно не услышит! Он долго наблюдает за тем, как я иду, как развевается моя накидка. Он улыбается. Перед ним – чистая белая тарелка с крошечной горкой какой-то каши, тарелка такая большая, что на ней

уместился бы двухгодовалый поросенок (то есть – почти что свинья!), и пустой хрустальный бокал на толстенной ножке. Вот с этого бокала и начинается моя работа!

Если бы я отсюда написала кому-то письмо (чего никогда не стану делать!) и сообщила, в чем заключается мой «тяжкий труд», бывшие знакомые решили бы, что письмо это отправлено из местного сумасшедшего дома!

Я подплываю к мсье Паскалю, бережно беру со стола графин с красным вином и лью вино в бокал. Оно такое густое, что льется долго. Что-то опять происходит со временем! Почти так же, как и когда я иду по лестнице. С той только разницей, что в первом случае – время идет вспять, а во втором – останавливается. У меня даже немеет правая рука, которой я держу графин. От хрусталя, который постепенно приобретает красный оттенок, по стенам скачут «зайчики».

Я лью вино лет сто. С меня можно лепить статую, назвав ее «Женщина, наливающая вино». Порой я подумываю о том, что стоило бы заказать себе именно такое надгробие. Но сделать уточнение: эта неизвестная женщина наливала вино лишь одному мужчине в мире – мсье Паскалю. Когда бокал наполнен, я ставлю графин на место и сажусь в соседнее кресло. Работа выполнена. Я могу положить локти на стол, скрестить ноги.

– Как спалось, госпожа Иголка? – спрашивает мсье Паскаль.

И мы улыбаемся друг другу.

2

Похоже, этот учтивый вопрос задается неспроста. По ночам в приоткрытую дверь я вижу разные чудеса. Например, мимо нее проходят серебристые звери, с трудом переливаясь, как ртуть. Среди них – единорог, верблюд, волк, большой баран, а потом снова – единорог. А однажды в шелку ткнулся мордой белый конь...

...Это все – из-за воздуха, утверждает мсье Паскаль. То есть здесь он особенный, насыщенный кислородом, и поэтому в мозгу происходят разные благоприятные для фантазий процессы. Возможно, поэтому и время здесь течет как-то странно. Хотя, я знаю, бывают такие дни, месяцы или даже годы, когда живешь в остановившемся времени. А потому следует знать, что по сравнению с другими временными измерениями эти дни или годы – всего лишь мгновения. И в эту мизерную частичку секунды не нужно совершать глупостей. Например, глотать небезопасные таблетки, или намывать веревку, бежать к реке, сунув в карманы пальто по два кирпича, или стоять на перилах балкона, или открывать на кухне конфорки. Лучше подумать о... размазанных по асфальту мозгах, вываленном в петле языке и вообще о неэстетичной позе, которую можешь бессознательно принять. Бр-р-р...

Когда подумаешь о таком, сразу услышишь, как часики снова начинают тикать: тик-так, тик-так... Сначала кажется, что это скребется мышь или под обоями копошатся тараканы – это опять нагоняет тоску и навеивает мысли об асфальте под окном. Но когда прислушаешься – понимаешь, что это пошло время... О! Тогда серебряные звери собираются под твоим окном, рыбы заплывают в твою реку, на конфорке в сковороде шипит отбивная с кровью, а на веревочке нежно шелестят китайские палочки из бамбука... Тик-так!

Время – удивительная вещь.

Если бы мы относились к нему серьезнее, могли бы избежать множества проблем. Если бы время было рекой, а мы относились к нему серьезнее и были легкими, как перышко, – не было бы ничего лучше, чем просто лечь на волны.

Если бы время было рекой, а мы относились к нему серьезнее и были легкими, как перышко, – мы бы не гребли, не размахивали руками, не боялись захлебнуться и не звали бы на помощь.

А плыли бы по течению. И оно обязательно вынесло бы нас туда, куда нужно. Например, в эту обитель...

...Так вот, мсье Паскаль говорит, что здесь, на окраине нашего города, – удивительный воздух. Из него можно выхватывать фантазии. По правде говоря, у меня их всегда было столько, что я вижу в этом воздухе, как кристаллик соли в перенасыщенном растворе. Помните этот опыт из уроков химии?

Мсье Паскаль об этом знает. Он это проверил довольно странным образом. Когда я с одним чемоданом в руках и тремя колечками в ухе приехала сюда (конечно же, была готова мыть, стирать, убирать), он завел меня в кухню, расположенную на нижнем этаже... Сказать, что это – кухня, значит не сказать ничего. Мне показалось, что это спортивный зал. Только вместо скамеек и матов по его периметру расположилась всякая утварь для стряпни, включая очаг для запекания туш, а на стенах висели медные сковороды и кастрюли разных конфигураций и размеров. Несколько столов посередине: один – для нарезки овощей, второй – для мяса, третий – для рыбы, четвертый – для теста, и еще один – для приготовления смесей. Так вот, на железном столе лежали опаленный вепрь, кролик, курица...

– Через два дня у меня будут гости, – строго сказал мсье Паскаль. – Вы должны с этим что-то сделать (тогда он еще не дал мне того прозвища, на которое я сейчас откликаюсь с удовольствием).

Он позвал четверых – кухарку и трех помощников.

– Они будут делать все, что прикажете! Ужин устраивается в честь одного из Людовиков – вам не обязательно знать, которого из них, – но все должно быть вкусно. Вы когда-нибудь стряпали?

Я могла бы сказать – никогда, взять чемодан, развернуться и уйти. О, я запросто могла бы это сделать. Я ненавижу стряпать! А точнее – ненавижу застолья. Считаю их бессмысленной тратой времени, а тосты – это вообще полный бред. Собаки меньше брешут. Но я посмотрела на сухопарую фигуру мсье Паскаля, на его тапочки, халат и смешной ночной колпак на голове (я приехала слишком рано)... В глубине его глаз, которые в тот момент вернее было бы назвать маленькими буравчиками, таилось нечто такое... нечто такое...

Нечто очень подобное тому, что было и во мне. И я сказала, что стряпать – это страсть всей моей жизни. Если бы он завел меня в гостиную и предложил сыграть на органе фугу Баха – я бы тоже не отказалась!

Итак, он довольно кивнул головой и вышел из кухни, смешно шаркая своими шерстяными тапками.

Кухарка (впоследствии – «матушка Же-Же») и трое помощников смотрели так, будто на мне был скафандр водолаза и рыба чешуя под ним. В их глазах так же во всю мощь работали тысячи буравчиков. А я смотрела на убитую живность, живописно возлежащую на столе, словно на полотнах голландских художников. Меня поташнивало. Что мне нужно было сделать? Кое-как нарезать из окорока вепря отбивные. Стушить кролика. Сварить из курицы бульон. Пускай обожрут. Чем богаты – тем и рады!

Но надо знать, какая я упрямая.

Я окинула взглядом стены с полками. Там стояло множество баночек с надписями – «базилик», «кориандр», «хмель» и еще куча названий, которых я не знала. В голове всплыло множество воспоминаний – что-то о маринаде, тушении в вине, запекании в тесте и шпиговании пряностями. Я засучила рукава. Потравлю всех к чертям, подумала я, и буду хозяйничать в этом доме – по крайней мере до тех пор, пока сюда не наведается полиция.

Вот мой рецепт. Вепря, вычищенного до состояния новорожденного поросенка, мы положили в чан, и я тщательно натерла его всеми пряностями, которые были в этих баночках. Потом залили все это бочкой вина, которое по моему приказу принесли из подвала. Когда помощники лили его в чан, кухарка умывалась кровавыми слезами, бормоча что-то о трехсотлетней выдержке и моем безумии. Может быть, она говорила что-то и похуже, но я тогда еще плохо понимала местный диалект.

Потом я уже действовала, как настоящий художник! Мясо кролика перекрутила в электрической мясорубке вместе с кучей зелени – лука, свежего перца, помидоров, чеснока, корня сельдерея, укропа. Потом взялась за курицу. Вспомнила, как одна деревенская повариха, которую пригласили обслуживать свадьбу моей родственницы, осторожно подрезала кожицу и снимала ее с несчастной курицы, как чулок. Главное в этом деле – вдохновение, говорила она. Мое вдохновение имело другое название: упрямство, поэтому «чулок» вышел превосходным! Что теперь? Я начала переодевать кролика в курицу: пустую кожицу я осторожно наполнила кроличьим фаршем. В глазах кухарки будто выключились буравчики: я заметила, что она наблюдает за всем этим безобразием с немалым интересом. Когда я зашивала брюшко курице-кролика толстыми нитками, надо мной с уважением склонились все четверо и смотрели, как на Бога.

Короче говоря, сутки прошли в трудах праведных... А я никогда еще не трудилась сутки кряду! Даже не заметила, как настало утро, как оно перетекло в день. Мсье Паскаль ни разу не заглянул к нам. Наверное, думал, что я сбежала. Днем мы вынули из чана вепря, благоухающего, как цветущий сад, и положили его на огромный медный поддон. Я слегка обжарила тушку курице-кролика и с нежностью уложила его во чрево кабана. Но там еще осталось место. Помощники с вопросительным уважением смотрели на меня. Мне уже было все равно! Я стала вбрасывать в ненасытное чрево содержимое плетеных корзин, стоящих в углу, – зеле-

ные яблоки, чищенный лук, зубчики чеснока. Я так разошлась, что, как щедрый сеятель, всыпала туда вишни, груши, орехи, чернослив, зерна горчицы. Вышла дикая смесь, которую я к тому же хорошенько перемешала с медом. Ароматное ложе для гибрида кролика с курицей было готово. Недоставало какого-то штриха.

Интересно, каким был последний мазок на полотне Леонардо да Винчи «Мадонна в гроте», подумала я. Наверное, настоящее искусство начинается тогда, когда ты, окончив работу, начинаешь ее тихо ненавидеть... Если бы я была настоящим поваром в ресторане у себя дома, то есть – богом для желудков уважаемой публики, – я, наверное, точно попала бы в тюрьму, потому что не выдержала бы и всыпала в какое-нибудь «фондю бланш-манже» щепотку крысиного яда! Ведь нет ничего горше, чем когда твой труд, твоё произведение искусства пожирают под пошлые тосты, посвященные какому-нибудь «Ивану Ивановичу».

Я молча стояла над ведром, внутри которого в курином тельце был зафарширован кролик, и послушная паства затаилась у меня за спиной. Учитесь, дети, пока я с вами, подумала я и сняла с пальца серебряное кольцо.

– Серебро – дезинфицирует! – авторитетно заявила зрителям и вбросила кольцо во чрево. – А теперь зашивайте!

Я все время мысленно обращаюсь к живописи. И поэтому в этот миг представила себе удивительное полотно, которое могла бы создать, – «Зашивающие упрятого в ведре кролика». Кстати, это невообразимое блюдо – мое доказательство того, что мир устроен как матрешка, и все довольно-таки гармонично вкладывается друг в друга.

Итак, завершив работу, мы вставили лист с ведром в печь. Потом несколько часов мои помощники поливали тушу соком, образовавшимся вокруг нее.

А я, обессиленная, сидела у огня и думала, этого ли я хотела, отправляясь в путь?

Одежда моя испачкалась, хотя на мне и был большой фартук из брезента. Мне не указали на какую-либо комнату, где я могла бы помыться, расположиться и отдохнуть. Мои помощники будто забыли обо мне и уже суетились, нарезаая салаты, разливая вина в графины и поднимая все это наверх с помощью специального лифта.

Последним на него положили вепря на громадном блюде. Все это уже меня не касалось. Даже есть не хотелось. Кухарка перекрестила кабанчика, как родного сына перед дальней дорогой, и нажала кнопку подъемника. Вепрь, из которого ароматными струйками испарялась его несчастная душа, медленно, как царица Клеопатра при въезде в Рим, поплыл вверх. Я подумала, что стоило бы раздеться и сесть на него верхом. Вот это был бы настоящий сюрприз для гостей мерзкого старикашки! Хотя хватит с него и колечка, о которое он сломает свой последний зуб! Тьфу!

3

Дня два я провела в чулане рядом с кухней, решая, что делать дальше, пока кухарка не принесла весточку от моего хозяина. Оказывается, мсье велел составить список необходимых мне вещей и всего такого – короче говоря, всего того, что мне будет необходимо для дальнейшего пребывания в его обители. О, как я была зла! Трое суток без ванны! Трое суток под вонючей простыней в кухне на нижнем этаже!

Без тапочек, без ночной сорочки, в компании мешков с чищенным луком. Я уже однозначно решила разорвать контракт. И поэтому ничуть не дрогнувшей рукой вывела на листке бумаги по меньшей мере десять абсурдных пунктов. Чувствовала себя так, будто составляю брачный контракт. Итак: джакузи и завтрак в постель, плазменный телевизор, кровать три на четыре (метра, конечно же), окно с видом на горы, шелковое белье, шампунь фирмы Проктер энд Гембл, зубную пасту Лакалут-актив, радиотелефон, сто пар белых носков из ангорки (у меня всегда ледяные ноги), набор косметики от Живанши, платья, новые джинсы, два хрена собачьих...

Про хрены я, конечно же, дописала в «постскриптуме».

Следующим утром, когда я пыталась хоть как-то отчистить от кабаньей крови свои единственные джинсы, чтобы иметь приличный вид, когда выйду на улицу, та же кухарка, мадам Же-Же (то есть ее имя, как она сказала, Женестьева), вошла в кладовую без стука и пригласила меня следовать за ней.

– Мсье Паскаль просит прощения за проволочку и временные трудности, – сказала она. – Но столько пар шерстяных носков, да еще определенного цвета, пришлось выписывать из столицы. У нас городок маленький, и такого количества в лавке не нашлось...

– Это беспокоит... Паршивый у вас городишко, если в нем нет носков... – пробормотала я, но все же поплелась за ней – по той лестнице, о которой я уже рассказывала.

Собственно, мне было все равно, что меня там ждет – железный крюк для пыток, «испанский сапожок» или оркестр духовых инструментов. Но, признаюсь, поглядывая на картины, поглаживая деревянные перила и вдыхая запах освещенных тусклым светом апартаментов, я чертовски хотела, чтобы наше медленное восхождение длилось вечно. Наверное, я уже тогда ощущала вкус времени, разлитого в этом пространстве...

Женщина распахнула дверь в конце коридора и учтиво кивнула:

– Прошу. Располагайтесь. Мсье Паскаль сегодня очень занят. Он сам вас позовет. Обед – в три. Ужин – в семь.

И, притворяя за собой дверь, добавила:

– Мсье был очень доволен вашим блюдом. Это случается нечасто...

Черт побери! Черт! Черт! Сто миллионов жареных крыс! Я не могла прийти в себя. За окном (во всю стену) высились горы. Застеленная белым пушистым покрывалом кровать напоминала аэродром! В шкафу – все, что нужно, чтобы не ходить в заляпанных джинсах.

Я решила, что, наверное, за мной кто-то наблюдает через глазок скрытой камеры, и поэтому, сохраняя невозмутимый вид, толкнула дверь ванной.

Джакузи...

Лакалут-актив...

Махровые полотенца...

Уйма соблазнительных пузырьков с духами. Это точно какое-то «реалити-шоу» с участием дикаря из «третьего мира»!

Интересно, сколько этот господин за него получит?! Я скрутила кукиш в громадное зеркало и вернулась в комнату.

Среди всего барахла не хватало хренов собачьих.

Посредине круглого стеклянного столика лежало мое серебряное кольцо...

...Так я оказалась в этом доме. Так состоялось мое знакомство с мсье Паскалем...

Я знаю, что в моем рассказе нет того, что можно было бы назвать «правдой жизни». Но до этого, поверьте мне, мы еще дойдем. Хотя меня ужасно воротит от этой формулировки. Правда жизни – в запахе жареного лука, гречневой каши, она кистью художника-иезуита написана на лживых лицах политиков, она лежит в шляпе уличного аккордеониста, она хрипит и кашляет в промерзших водопроводных трубах, она скрывается под брюками женщин в виде заштопанных колготок... Я наелась ее досыта! Меня тошнит от одного воспоминания об этих колготках.

Точно так же мне тошно писать письма своим бывшим приятелям. Конечно, я сразу, как неофит, оказавшийся на другом конце света, в первый же вечер написала письмо своей подруге. Оно было примерно такого содержания: «Доехала хорошо. Устроилась. Жарила вепря. Вижу в окно чудесные горы. У меня есть личное джакузи. И сто пар носков из ангоры... Они – белые».

Потом я скомкала эту писанину.

Представила себе, что могла бы ответить подруга. Она бы спросила про объем работы, про зарплату и о том, что значит «жарила вепря», не идет ли речь о сексе? А еще бы она сделала приписку о зиме...

Кстати, там, в моем городе, зима тянется долго-долго, почти бесконечно, и все разговоры только о погоде. Каждый день, где бы ты ни был – все говорят о холодах. Вчера было намного теплее, чем сегодня! А какой прогноз на завтра? Когда же это закончится? Все ходят бледные и прячут руки в рукава...

Но дело не в этом. И даже не в запахе «правды жизни» – жареного лука. Дело в том, что там, в моем городе, где долго тянется зима, я и сама говорила и думала только о холодах...

И всегда выгрызала весну зубами. Так ярко, будто ела твердое зеленое яблоко! С вами такое бывало? Хоть с кем-то одним – обязательно. Я выгрызала весну. Я так безумно желала ее, что порой мне казалось, будто она приходила лишь благодаря моим усилиям. В лютые морозы, стоящие в конце января, я упрямо надевала под шубу короткую юбку. Ветер и стужа хватали меня за все запретные для их длинных шупальцев места. Но под моей кожей распускались цветы, проступали на ней, как татуировки...

С этими цветами, прущими изнутри, я могла бы жить где угодно. Но я не люблю застоя. Какой смысл консервировать эти цветы в себе? Нельзя жить будущим, ждать и полагаться на него. Ведь можешь напланировать всякого на год вперед, а завтра на голову свалится кирпич – и прощайте, Карибские острова!

Мысль об этом проклятом кирпиче, лежащем на самом краешке крыши, прямо над моим подъездом, не давала мне покоя. Кто-то живет на бочке с порохом, кто-то – «от зарплаты до зарплаты», кто-то – «от субботы до субботы» (была такая развлекательная радиопередача), я же всем нутром ощущала этот чертов кирпич, который в любой момент может сдвинуться с места. Гадкое, гадкое чувство...

А еще последнее время, перед отъездом, во мне засели строки, вычитанные в повести моего любимого Маркеса «Рассказ не утонувшего в открытом море»:

«Лежа на своей койке – верхней, я думал о родном доме, о предстоящем рейсе, и не мог заснуть. Подложив руки под голову, я прислушивался к едва слышному шелесту моря и спокойному дыханию моряков. Подо мной была койка Луиса Ренхифо, он храпел, будто дул в тромбон. Не знаю, какие он видел сны, но уверен, что он не спал бы так безмятежно, если бы мог предположить, что через ВОСЕМЬ ДНЕЙ будет лежать мертвый на дне моря...»

Вот эти **ВОСЕМЬ ДНЕЙ** волновали меня не меньше, чем мысли о кирпиче, висящем над головой. Если бы мне поставили такие условия, думала я, что бы я должна была сделать? С ума сходила от этого вопроса. И не могла спать.

Точно так же, как выгрызала весну, я начала выгрызать для себя тоннель в этих холодах.

А когда увидела эту комнату – такую, как и загадывала в своей бессоннице, – испугалась. Я подумала, что яростно вгрызаться в лед и считать дни – в этом и есть цель и смысл, а засесть в джакузи с видом на горный пейзаж – начало конца. Мышеловка... Такой вот парадокс.

4

Жизнь нужно воспринимать, как кино. И меньше размышлять над тем, что будет в следующей серии. Это, кстати, сказал мсье Паскаль спустя два дня, когда наконец пригласил меня к себе.

– Представь себе, что где-то там, на небе, высоко, откуда аисты приносят на землю души младенцев, ты стоишь у кассы в длиннющей очереди. Толпа. Шум. «О чем этот фильм? – спрашивают друг у друга будущие зрители. – Это – комедия, драма или боевик?» «Комедия!», «Мелодрама!», «Вестерн!» – звучит в ответ. Ведь каждый пришел смотреть СВОЕ кино. Эти ответы лишь сбивают тебя с толку, и ты сгораешь от нетерпения – поскорей бы попасть в кинозал. Прыгаешь на одной ножке, считаешь часы, минуты и секунды. И наконец – получаешь билет... Заходишь в темный зал. Слепнешь от темноты и не видишь тех, кто скрипит стульями рядом, твое внимание приковано к белому экрану. На нем пока ничего не происходит. Просто – темнота. А ты – первый зритель первого фильма в синематографе братьев Люмьер. С той лишь разницей, что поезд съедет-таки с экрана...

...Двое суток я усердно крутила дули в каждое зеркало и в каждый угол потолка, переодевалась за шкафом и с головой накрывалась одеялом, хотя утром все равно просыпалась раскрытая и голая (я привыкла спать, как Мэрилин Монро, которая, по ее же словам, на ночь надевала лишь одну каплю духов «Шанель»).

По телефону матушка Же-Же приглашала меня на кухню – поесть. Я вела себя, как партизан. Жилье и еда меня вполне устраивали. Я даже смирилась с тем, что участвую в этом шоу. В конце концов, все происходящее вокруг – тоже шоу. Только бери камеру и снимай! Но здесь я отоспалась и, как говорит моя подруга, – «отпустила ситуацию». Настолько, что перестала делать неприличные жесты, стоя перед зеркалом, и заглядывать время от времени под кровать.

Именно тогда матушка Же-Же сообщила, что мсье Паскаль освободился от своих срочных дел и готов поговорить со мной. Я должна была явиться перед ним во всей красе! Что бы ему могло понравиться? Шелковое платье, висевшее в шкафу? Туфли под цвет платья на высоких каблуках? Гладенькая опрятная прическа? Да, пожалуй...

Я вынула из аптечки пузырек с зеленкой и тщательно смазала ею волосы по всей длине. Надела джинсы, в которых работала на кухне, – от них сильно несло засохшей кровью. Поверх белой футболки натянула черную майку. Получилось довольно стильно. Когда матушка Же-Же пришла за мной, чтобы проводить в кабинет хозяина, ее мой вид задел так, что она на миг даже прижалась к двери и чуть не выпала из нее в коридор.

Мы спустились по лестнице, потом свернули направо, потом – налево. Из стен этого крыла торчали олени рога, улыбались кабаны рыла, печально поблескивали искусственными зрачками нежные косули...

Матушка Же-Же почтительно приоткрыла дверь и кивнула мне: «Можно войти!»

Я человек не очень стеснительный, хотя помню времена, когда в самых разных ситуациях мои щеки заливал предательский румянец. Я доказывала себе и другим, что это – особенность кожи, под которой сосуды расположены слишком близко, но это было неправдой! Я краснела потому, что не имела навыков общения. Мне всегда казалось, что люди должны воспринимать друг друга на уровне жестов, находить единомышленников по... стилю одежды, по книге, лежащей в их сумке, по коротким, но метким фразам и даже по тем блюдам, которые они любят. Когда эти иллюзии развеялись, я начала слишком много болтать, открывать любые двери ногой и вообще вести себя так, чтобы больше никогда не краснеть. Чем раскованнее поведение, тем меньше интересуются, от чего у тебя пылает физиономия. У наглых людей она всегда красная и всем довольная.

Так вот, перед тем как войти в кабинет мсье Паскаля, я почувствовала давно забытый укол застенчивости. Будто я вернулась на десять лет назад в свое прошлое, которое терпеть не могу. Но я знала, каким должно быть противоядие этому уколу, вызывающему пробуждение совести.

Я вошла в кабинет.

Мсье Паскаль, как я себе и представляла, сидел за широким письменным столом, позади него – полки с книгами под самый потолок, окна зашторены зеленым бархатом (очень гармонирует с моими волосами, подумала я). Не хватало «мраморного» дога у ног хозяина, камина, еще чего-нибудь в этом роде – возможно, «философского камня», который стоял бы на столе, или глобуса в резной оправе. Но на тумбе стоял допотопный репродуктор, а возле него были разбросаны вещи, место которым в прихожей, – потертые кожаные перчатки, зонтик, надтреснутая пепельница и телефонная трубка – без аппарата.

Я вошла в кабинет.

Я вошла в кабинет, с острейшим уколом совести.

Я вошла в кабинет с уколом совести и предательским чувством – когда «Бобик» попадает в гости к «Барбосу», он всегда должен вилять хвостом. А изо рта пускать слюни.

Итак, я вошла в кабинет, прошлась, села на стул напротив стола и сказала:

– Привет, папик!

Я знаю, когда ведешь себя именно так, необходим еще один мелкий, но очень существенный нюанс: смотреть в глаза собеседнику.

Иначе вся твоя храбрость быстро улетучится. Я посмотрела. Собственно, за эти несколько дней я забыла, как он выглядит. Передо мной сидел пожилой мужчина, сухопарый, с большими темными глазами и массивным носом, его лоб бороздили благородные морщины. На нем была мягкая клетчатая кофта. Зеленый платок на шее, белая рубашка. Из всего увиденного я бы выделила только глаза. Интересные глазки – слегка навывкате, с разноцветными крапинками. Такое впечатление, будто в зрачки вставлены два маленьких глобуса с параллелями и меридианами. Итак, дух земного шара все же витал в этом полумраке. Интересно, обозначена ли на нем точка моей родной страны?

Вдруг мне почудилось, что лицо мсье Паскаля неожиданно... помолодело. Скорее всего, мой взгляд рассредоточился, как это бывает, когда долго смотришь на свет, и лицо мсье Паскаля расплылось перед моими глазами. Оно было гладкое, как яйцо. И по нему поплыли другие носы, губы и брови – так, как это бывает, когда в милиции составляют «фоторобот» преступника (когда-то я принимала участие в таком эксперименте у себя в городе – тогда один тип попросил меня спрятать в доме маковую соломку, а потом выяснилось, что он мафиози местного масштаба). Это было похоже на ускоренную эволюцию в пределах одного лица.

– Что с вами? Вы переутомились? – услышала встревоженный голос и открыла глаза. Мсье Паскаль стоял передо мной со стаканом вина в руке. – Выпейте!

Я действительно переутомилась. Сначала от приготовления той чертовой еды, а еще больше – от ожидания. Я все-таки не железная. Я взяла стакан и сделала глоток.

Мсье Паскаль снова уселся на свое место.

– Хорошо, – сказал он. – Вы красиво пьете. Интересно было бы посмотреть, так же ли красиво вы умеете наливать вино...

– Никогда не думала, что можно обращать внимание на такие незначительные вещи... – сказала я.

– А как же. По тому, как человек ест, пьет, готовит или раскладывает еду, можно судить обо всем остальном...

«Эге... – подумала я. – Например, о том, как он будет удовлетворять такого старикашку, как ты...»

– Смотря каким образом... – будто отозвался на эту мысль хозяин. – И так, в такую даль отправляются в двух случаях. Когда вы несчастны там, где родились. Или когда вы слишком счастливы, чтобы не позволить себе новых впечатлений.

– Есть еще третье: подзаработать денег! – добавила я и подумала, что, имея ТАКОЙ дом, он, конечно, не может представить себе ситуацию, в которой сорвется и помчится жарить вепря на другой конец света.

– У вас острый язычок, – сказал мсье Паскаль. – Я буду называть вас – Иголка. Госпожа Иголка.

«Конечно, зачем тебе знать, как меня зовут, – подумала я. – Думаешь, что за сто пар носков я готова откликаться даже на кис-кис?»

– Но если вам это не нравится... – продолжал мсье.

– Нет, – поспешила успокоить его я (ведь мне вовсе не хотелось возвращаться к своему настоящему имени). – Замечательно! И очень метко. Мне нравится.

– Мне тоже. Поэтому продолжим разговор. Вы приехали сюда заработать, как говорите, денег... Сколько же вы планируете их получить? И на что потратите свой первый миллион?

Я подумала, что это, наверное, какой-то тест, которым обычно проверяют новых работников. Однажды я уже проходила подобное тестирование на фирме, куда пыталась устроиться еще там, на «большой земле». Мне сказали, что это будет тест на IQ, но поскольку тогда еще никто не знал, что это такое, пришлось отвечать на дурацкие вопросы, вроде: «На дереве сидят два ворона. Один смотрит на север, другой – на юг. «У тебя на клюве – пятно!» – говорит один. «А у тебя на крыле перьев не хватает», – говорит второй. Вопрос: как они видят друг друга, если смотрят в разные стороны света?» Поэтому не удивилась. И потом, разве не интересно поразмыслить над тем, на что вывалить такую сумму? Кто же об этом не думал, хотя бы раз в жизни!

– А что бы вы сделали, если бы узнали, что до конца вашей жизни осталось восемь дней? – спросила я. Мне кажется, это был достойный ответ, хотя я и не люблю отвечать вопросом на вопрос.

Мсье Паскаль засмеялся.

– Не ищите подвоха в моих словах, госпожа Иголка! – сказал он. – Я понимаю, что многое в этом доме вам кажется странным. Но я – человек старый, одинокий, почти марзаматичный. Мне много не нужно. Так, кое-какие мелочи...

«Ага...» – подумала я и только собиралась нарисовать эти «мелочи» в своем воображении, как мсье Паскаль прервал мое занятие:

– Действительно мелочи. Обычные бытовые мелочи. О них мы еще поговорим.

– Хорошо. – Я решила больше не фантазировать на тему всяких извращений. – Но это немного странно. Почему вы не выбрали для этих, как вы говорите, мелочей более достойную кандидатуру, какую-нибудь местную барышню?

– О, на самом деле у меня был довольно богатый выбор! – улыбнулся мсье Паскаль и указал рукой на кипы бумаг и папок, лежащих у него под столом. Их было так много, как писем Деду Морозу в Лапландию, которые зимой пишут дети всего мира.

На меня сошел священный трепет:

– И из всех этих кандидатур вы выбрали меня? Почему?! С вашими доходами вы могли бы нанять выпускницу Сорбонны. Или Кембриджа. Или... царицу Савскую. Уверена: они так же красиво распивают вино... И не только это.

– Возможно, – пробормотал мсье Паскаль. – Но они... не видят коридора...

Я оглянулась на дверь. Она была закрыта – в ней не было видно никакого коридора. Разве что я отчетливо представила себе, что за ней, прильнув ухом к замочной скважине, стоит матушка Же-Же.

Мое движение разозлило старого мсье. Он заговорил энергичнее, будто втолковывая урок, который я давно заучила и вдруг забыла. К тому же он перешел на «ты».

– Знаешь, что такое открытый вход? Что такое коридор? Порой там (он указал глазами на потолок) двери открываются именно в тот момент, когда ты озвучиваешь свое желание. Ты, конечно, об этом и не догадываешься. Просто в этот момент произносишь что-то вроде: «Господи, я так хочу модный зонтик!» Это, надеюсь, понятно? (Я покорно кивнула, ведь довольно часто беспокоила небесную сферу подобными крамольными мелочами.) Конечно, зонтик у тебя появляется – так или иначе. Но в этом случае он появляется быстрее, чем ты планировала. Но! – Мсье Паскаль поднял палец вверх. – Если бы в тот момент человек знал, что ДВЕРИ ОТКРЫТЫ, разве просил бы он о таких незначительных вещах? (Я отрицательно покачала головой.) Так-то вот...

«А при чем здесь я?» – очень хотелось спросить мне, но мсье Паскаль продолжал, и меня уже не удивляло, что он будто читает мысли, хотя это было не сложно:

– Вы? Вы не впадаете в крайности. Ведь есть две категории: те, кто обращается по мелочам (обычно они забавные и совершенно безопасные), и те, кто внимательно следит за тем, когда дверь открывается... Конечно, им не дано знать об этом миге, но они настырно, ежедневно, ежеминутно требуют СВОЕГО. А я не люблю настырных людей... И фанатиков не уважаю.

Он закашлялся и умолк.

Потом мы еще немного поговорили о моих обязанностях. Честно говоря, я мало что поняла.

Когда я уже стояла на пороге, мсье Паскаль окликнул меня:

– Еще одну минутку, госпожа Иголка. Я забыл у вас спросить: а что в вашем списке означает «хрены собачьи»?.. Мы этого не нашли...

5

Той ночью я спала спокойно. Почувствовала, что эта шикарная комната – моя, и уже не присматривалась к углам и зеркалам. Первое, что сделала, когда вернулась после собеседования с мсье, разбросала вещи, поменяла местами вазоны и стулья, выложила на стол весь свой скарб из косметички и раздвинула шторы, которые висели слишком аккуратно. Этим я «пометила» свое место, как кошка. То, что я здесь задержусь, само собой разумелось. Лишь бы не заставили носить черное платье с белым передничком и накрахмаленный чепец на голове!

Ближе к вечеру мсье Паскаль позвал меня к себе снова.

– Я почти не выхожу из дома, – сказал он. – А если куда и отправляюсь – только в ближайшее бистро, через дорогу. Но не для того, чтобы поесть. Время от времени там собираются мои друзья. Или те, кто имеет шанс вскоре ими стать. Сегодня вы будете сопровождать меня. Я хочу, чтобы вы увидели их, и потом, когда они придут ко мне, – не пялили на них глаза. Ну и, конечно же, попробуете местные напитки, освоитесь... Я ведь не собираюсь держать вас взаперти. Встречаемся внизу в шесть. И если можно... очень прошу, смойте эту зелень с головы. Не хотелось бы, чтобы обо мне судачили в городе...

Старик, оказывается, боится сплетен.

– А что у вас здесь надевают в таких случаях? – поинтересовалась я. Мне очень захотелось как-то угодить ему.

Мсье Паскаль пожал плечами:

– М...м...м... Я не обращал внимания. Кажется, то же, что и в других местах... Посмотрите в окно.

Я посмотрела в щелку между бархатными шторами его кабинета. Там легкой пеленой дрожал мелкий дождик.

В шесть я ждала его в прихожей и имела довольно пристойный вид. Решилась надеть черное платье, висевшее в шкафу. Волосы, конечно же, вымыла и уложила в аккуратный узел.

Идти было недалеко.

Я держала над мсье Паскалем большой черный зонт, который мне сунула в руки матушка Же-Же, хотя дождя уже и не было.

Я столько дней просидела в этом доме, что успела забыть, как выглядит городок. Помню только, что автобус довез меня до самого дома, а в окне, словно нарисованные, висели одни и те же пасторальные пейзажи – опрятные коттеджи, стриженные газоны, клумбы. Сейчас туман клубился в конце длинной улицы, больше ничего не изменилось: коттеджи, клумбы. Ни одного прохожего. И это понятно, ведь что делать на этой игрушечной улице, где нет пивного ларька или игрового автомата?!

Бистро действительно было в каких-то десяти шагах от дома мсье. Не знаю, из чего оно было выстроено – пожалуй, все-таки из кирпича, но снаружи было обшито деревом, как настоящая деревенская забегаловка или стилизованный под простую охотничью избу ресторан. Я люблю деревянные строения, люблю сидеть без скатерти и выщарапывать ножом на поверхности стола узоры. От металла и пластика меня тошнит и во рту появляется кислый привкус.

Итак, это бистро мне сразу понравилось. И изнутри – тоже. Ведь оно было таким, как я себе и представляла. Длинные отполированные локтями столы, тяжелые стулья на толстенных ножках с вырезанными сердечками на спинках. Стойка – тоже цельное потемневшее дерево. За спиной пышнотелой барменши – батарея бутылок. Она приветливо кивнула мсье Паскалю и показала глазами на меня:

– Новенькая?

Мой хозяин ответил: «Да» и повел меня за дальний столик у камина.

– Что она будет пить? – крикнула ему вслед барменша. Вкусы самого мсье она, видимо, знала.

– Шардоне-совиньон-пинаколада-абсент-малибу-мартини-кампари-кровавая мери-дом-периньон-брют-гавайский ром-чинзано-мартель?... – Мсье Паскаль еще минуты три перечислял то, из чего мне следовало выбрать напиток, достойный моего нового платья и прически.

– Пожалуйста... – степенно сказала я. – Если это, конечно, возможно... Я бы выпила того вина, название которого, извините, сейчас не припомню... Того самого, что делают из винограда, собранного... в Альпийских горах, когда термометр опускается ниже семи целых и девяти десятых градуса по Цельсию...

Я сказала это и скромно опустила глазки долу.

– Айс блу! – одновременно воскликнули оба. – Достойный выбор!

Пока барменша возилась с нашими напитками (мсье предпочел обычное темное пиво!), я огляделась. В кафе было пусто, ничего интересного. Правда, уютно и очень хорошо пахло древесиной...

– Еще слишком рано... – сказал мсье Паскаль, заметив, что я немного заскучала.

Передо мной уже стояла рюмочка – стеклянная, утопленная в маленький деревянный бочонок. Вино было прохладное и терпкое – настоящий подмороженный виноград.

Пока я рассматривала странный бочонок, крутила его в руках – а длилось это минуты две, – быстро заполнилось людьми. Такое впечатление, будто в пустой невод попала стая рыб! Или... Или мимо проходила какая-то демонстрация и все гурьбой завалили сюда. Мгновение – и все вокруг загудело, задымил, пришло в движение, откуда-то донеслась музыка. Нормально! Можно жить. Публика была довольно разношерстная, но такая себе... обычная для маленького городка. Парочки в джинсах и толстых свитерах, жавшиеся друг к другу за отдельными столиками, компании мужчин, которые сразу же выложили на стол карты или шахматы. В углу – какой-то волосатый типчик с ноутбуком, несколько старичков с раскрытыми вечерними газетами в руках... Барменша сновала между ними, выставляя на столы графины и бутылки, и недовольно сопела в адрес одного-единственного официанта, который весело переговаривался с девушкой у стойки.

Вот с этой публикой мне предстоит жить и знакомиться ближе, подумала я, ведь было понятно, что все они местные. Я вопросительно посмотрела на мсье Паскаля.

– Я и сам не всех знаю, – сказал он. – Иногда здесь оказываются совершенно новые люди. Сiju здесь и пытаюсь представить себе, кто они такие. Иногда попадаю в «яблочко». Но многие тут – мои приятели.

– Те, кто любит экзотические блюда из вепря? – не удержалась я, чтобы не съехидничать.

– Ну, должен же я чем-то их удивлять время от времени. А вообще, они непритомливы... Им нужно совсем немного. Разве что – полмира в кармане (тут мсье Паскаль улыбнулся). Вон тот (он указал на темноволосого парня в клетчатой рубашке) – вы будете называть его Фед – ходит сюда ради нашей барменши. Посмотрите, как он на нее смотрит!

И правда, чернявый типчик поедал дородную мадам глазами. Ее грудь и ягодицы были настолько самодостаточными, что, казалось, существовали отдельно от всего прочего, что составляло ее тело, и танцевали при каждом движении зажигательное фламенко.

– ...а женится на крошечной женщине... И прославит ее, – задумчиво продолжал мсье Паскаль. – А этот (он кивнул в сторону парня за ноутбуком) Джон, по-вашему – Иван. Как видите, пытается стать писателем. И что вы думаете? Станет-таки...

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Это мой друг.

– А этот? – Я указала на парня, который как раз сейчас расшнуровывал свои старые промокшие кроссовки и подвигал их ближе к огню.

– А... Этот парень – голова! Переводчик Шекспира. У него всегда проблемы с одеждой... И... с миром.

Я видела, что мсье подсмеивается надо мной. Особенно это стало заметным, когда из него, как с последней страницы какой-нибудь «желтой» газетенки, полезли дальнейшие сведения о присутствующих. Женщину с короткими темными волосами, сидевшую в компании мужчин, он назвал «первой женой Эжена Гренделя», седого бородача – «самоубийцей», волоокого красавца с платком на шее – «гениальным художником, который погибнет на улице и будет похоронен на кладбище для бродяг»... Горемычные жители! Они, видимо, и не предполагали, какую судьбу им уготовил мой чудаковатый хозяин. Наверное, хорошо сидеть вот так, в крошечной забегаловке, имея собственный дворец через дорогу, и навешивать на людей ярлыки, подумала я. А что ему еще делать?

Во время нашего разговора многие из посетителей кивали мсье Паскалю, поднимали руки с бокалами, посылая таким образом приветствие, и с интересом разглядывали меня. Я чувствовала себя неловко в своем черном платье...

– Наверное, нечто подобное вы скажете когда-то и обо мне? – спросила я.

– М-м-м... Возможно, возможно... – равнодушно пробормотал мсье Паскаль.

Очевидно, я была ему не интересна, несмотря на то что он выбрал мое резюме из тысячи других. Я снова заскучала.

– Сейчас начнется живая музыка, – мгновенно отреагировал мсье Паскаль. – Они приходят в половине седьмого.

Действительно, спустя несколько минут в углу на небольшом круглом подиуме стали настраивать свои инструменты молодые люди в линялых футболках.

– Они хорошо играют! – оживился мсье. – Вам понравится.

Мне нравится, когда играет музыка.

Мне нравится, когда играет музыка в деревянном бистро.

В деревянном бистро на окраине незнакомого городка.

Незнакомого городка, которому я безразлична и который безразличен мне.

Тогда я закрываю глаза и представляю, что я сижу в деревянном бистро города, который я люблю и в котором меня любят.

Города, в котором поют «Моя дівчинка печальна, моя доля золота...» и идет дождь.

Города, который я хочу выхаркать из себя – с кусками легких и его ледяной нескончаемой зимой...

*– Когда я буду умирать...
Когда я буду умирать,
О чем подумаю в последний миг,
Если, конечно, это не случится вдруг?..
Что сочту ошибкой?
А что – достижением?
Возможно, одно и второе поменяются местами?
И я пойму,
Что все проходит и ничего не имеет значения,
Кроме друзей...
Кроме друзей,
Которые будут стоять и смотреть на меня
В мой последний миг...*

Я даже не заметила, что они – уже играют. Мне показалось, что это звучат мои мысли.

– Я же говорил: вам понравится, – подмигнул мне мсье Паскаль. – Они станут очень знаменитыми. Одного убьют, когда ему исполнится сорок, в городе Желтого Дьявола неподалеку от большого сквера, второй потеряет любимую жену, а позже женится на женщине без ноги... Третий...

Я кивнула, уже не слушая его бормотание, не отрывая глаз от круглого подиума. Собственно, туда смотрели все. Джинсовые парочки, целуясь, медленно двигались в полумраке. Я подумала, что там, откуда я приехала, уже нет таких простых бистро, где вот так можно потанцевать, заказав лишь кружку пива.

– Будь я моложе, я бы пригласил вас на танец, – сказал мой хозяин, будто оправдываясь. – Вы ведь давно не танцевали...

*– Женщина, которая давно не танцевала,
И мужчина, который давно никого не приглашал на танец, —
Одетые во все черное...
Застегнуты на все пуговицы,
Их прически опрятны.
Они говорят о погоде.
Вчерашней погоде...
И пишут на бумаге цифры, цифры, цифры.
Один миллион девятьсот девяносто девять...
Один миллион девятьсот девяносто девять...
А музыка играет сама для себя:
«Если бы вы только знали...»*

– Если бы вы только знали, как мне хочется пригласить вас на танец! – Я оторвала взгляд от сцены. Тот, кого мсье Паскаль назвал Иваном (Джоном), стоял у нашего столика. – Вы не возражаете, мсье Паскаль?

– Мы только что об этом говорили! – улыбнулся тот. – И если дама не против...

Ну вот, я уже стала «дамой», а еще трое суток назад надрывалась, готовя ужин для вас и ваших гостей, подумала я. Среди них, кстати, мог быть и этот... Интересно, знает ли он, с кем собрался танцевать? Я протянула руку, и мы вышли в круг.

*– Когда тебе кричат, что ты – ничто,
Проверь, на месте ли твое сердце...
Проверь, есть ли у тебя табак в трубке,
Пахнет ли на кухне кофе,
Спит ли в твоей кровати та,
Для которой стоит его варить?
Проверь...
Проверь, на месте ли твоя книга, которую
Ты читал под утро,
Есть ли кому взглянуть в твои глаза
И ничего не говорить при этом?
Проверь...
И не отвечай...*

Мы смотрели друг другу в глаза. Довольно серьезно. В кино после такого взгляда обычно начинается сближение лиц и затем – продолжительный поцелуй с «наездом». Очень романтично выглядит!

Но в глубине каждого из четырех зрачков, которые теперь участвовали в этом «фильме», – где-то внутри, подтекстом проступало... отстраненное созерцание, которое не имело никакого отношения к этой романтике.

Я (точнее – тот придирчивый индикатор в глубине зрачка) фиксировала малейшую морщину в уголках его губ, след «трехдневной щетины» (интересно, это дань моде «мачизма» или просто равнодушие к своей внешности?). Он... Уверена, у него в голове слагалась какая-то фраза будущего романа. Примерно такая: «В окружении мсье Паскаля, этого чудака и отшельника, мне встретилась хорошенькая славянка. Несмотря на то что мы не сказали друг другу ни слова и я вел себя довольно пристойно, меня не покидала мысль о том, какого цвета у нее белье. При более внимательном рассмотрении я догадался, что она его не носит...» Или что-то в этом роде... Поэтому этот долгий и опасный взгляд прервался прощом.

– Я здесь четвертый день, – сухо сообщила я. – Буду работать у господина Паскаля. Возможно, даже буду стирать его носки. И не желаю быть объектом наблюдений.

*– Ты знаешь, что делать
С пойманной бабочкой?
Положи ее
В толстую книгу
Между сто сорок второй
И сто сорок третьей
Страницами —
Там, где речь идет о
Чем-то очень важном,
Чем-то очень важном,
И на ее крыльях отразится все,
Что тебе нужно знать...*

Что за напасть! Здесь даже музыканты издевались надо мной! Или мне только так показалось? Такое, конечно, бывает. Но ведь невозможно все время так нагло попадать в «десятку»!

Он ничего не ответил. Почтительно поцеловал мою руку, отвел к столу, поклонился мсье Паскалю. Сел за свой ноутбук, изредка бросая на меня взгляд так, будто уже писал ту фразу.

– Ну вот, с одним вы познакомились, – сказал мсье. – Остальных еще увидите. Нам пора. Я ложусь не позже десяти. Думаю, вы получили удовольствие и отдохнули?

Да, я действительно получила огромное удовольствие. От музыки.

Когда мы уже выходили (мсье Паскаль, направляясь к двери, пожимал кому-то руки), я еще раз внимательно прислушалась.

*– Когда ты уходишь,
Уходишь в ночь,
Чтобы погасить свет и уснуть,
Взгляни через плечо:
Тот, кто посмотрит тебе вслед, —
Оставит на тебе
Свою печать,
Как на письме – в никуда...*

Конечно, я оглянулась. Конечно, Иван-Джон прожигал взглядом мою не к месту обнаженную спину...

6

В этом городке все старые женщины носят черные чулки и черные туфли с перепонкой, как у школьниц. Юбки – в цветочек или клетчатые, на плечах – кружевные платки. Это выглядит чуть старомодно, как в итальянских или французских фильмах середины 30-х годов. Пожилых женщин здесь много. Они парами ходят в магазины, стайками оккупируют столики на открытых верандах у кондитерских. Они пьют кофе и поглощают пирожные со взбитыми сливками. Мужчины, их мужья, носят жилеты с множеством карманов и белые рубашки. Они не посещают кондитерские, а по вечерам собираются у порога какого-нибудь из домов, играют в шахматы, карты, курят трубки. Молодежи значительно меньше. Если попадается веселая разноцветная гурьба – это туристы. Главным образом они идут в горы, чтобы сверху созерцать живописный пейзаж.

А он действительно живописный! И городок тоже. В нем только одна длинная улица. С обеих сторон – дома, утопающие в зелени. Улица в солнечном свете – желтая, дома – белые, крыши – красные. Все будто нарисовано «чистыми» цветами, без малейших оттенков. А еще и синее небо – с четкой темной линией, которая очерчивает холмы, покрытые густыми зарослями, и белые вершины гор... Все настолько четко и совершенно, как картина, написанная в стиле наивного искусства или рукой ребенка. Вот и представьте, какой сюр привносят в этот колорит трогательные черные чулки и кружевные платки женщин.

Когда я вышла прогуляться, была поражена этими чистыми цветами, которые даже резали глаз.

Впервые я вышла пройтись днем – как раз тогда, когда все нормальные горожане предавались полуденной сиесте. Над городом висела невозмутимая гробовая тишина. Я шла по желтой улице и слышала каждый свой шаг. Даже поймала себя на том, что начинаю красться, как кошка. Но это было еще хуже: мелкая раскаленная галька противно скрипела под ногами, как целлофан. Этот звук отдавался в конце улицы, возвращался в мою голову и резонировал так, что у меня начали болеть зубы, будто я грызла перламутровую пуговицу. Окна коттеджей придирчиво следили за мной, на некоторых чуть заметно покачивались занавески. Уверена: за ними стояли любопытные жители и рассматривали меня с головы до ног! Я знала: если мужественно не преодолею путь – из конца в конец, – потом и вовсе будет трудно высунуть нос на улицу!

Мне нужно было показаться, засвидетельствовать свое присутствие в этом городе и, желательно, понравиться ему. Этот первый выход напоминал ныряние в незнакомую воду. А еще мне хотелось поздороваться хоть с кем-нибудь. Если я поздороваюсь с кем-то одним, думала я, моя приветливая улыбка разойдется кругами, как вода в озере от брошенного камешка. И это существенно облегчит мою жизнь. По крайней мере, станут говорить, что я приветливая и вежливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.